

Жан Миндубаев

ИЗ “ЗЕЛЕНОГО” БЛОКНОТА

Человек существует по крайней мере в двух измерениях, в двух сферах: среди себе подобных, в человеческом сообществе — и в единении с природой, из которой он с тупым упорством пытается вырваться, обособиться, вычленился. Но уже начинает чувствовать, что это ему ничего хорошего не обещает. Не потому ли все пристальнее всматривается в окружающий мир, пытаясь даже в самых, самых ничтожных проявлениях ЖИВОГО обрести опору, облегчение, надежду?

Маленькие заметки, занесенные в особый, “зеленый” блокнот — это мои прикосновения к листкам и веточкам вечно живого (я надеюсь) Древа Жизни...

МАРТОВСКИЕ СТУПЕНИ

Весну, несомненно, надо встречать в деревне. Лучше — в крошечной, затерянной в лесах, притулившейся на краю поля, безлюдной. Такой как, скажем, хуторок Вязки.

...Мы зимовали здесь вдвоем — я и кобелек переходного возраста по имени Кобик. Он появился у меня во дворе еще летом, в светоносном июне. Обрывок грязной бельевой веревки висел на шее вместо ошейника, сметливые глазки были пугливы. Косточка из супа стала первым шагом к взаимопониманию, быстро переросшей в сердечную привязанность.

Мои дни тогда по ряду причин были сумрачно-одинокими, бытие теряло смысл, мрак окутывал горизонты моего существования... Только спустя пять лет, после трагической кончины моего друга я пойму смысл и предназначение вдруг ниоткуда появившегося в моей судьбе Кобика...

Я соорудил щенку будку во дворе, обложил ее сеном. Так и мы и остались зимовать: пес — в своем уютном стожке, я — в старой, продуваемой всеми ветрами крестьянской избе.

Зима — хоть и была мягкая, сиротская — тянулась долго. В феврале непрерывно вьюжило, хуторок замело напрочь. Меня настигла беспричинная вроде бы бессонница — и было не вмоготу стоять у окна в темной избе, мучительно-тревожно вглядываться в белесую ночь, слушать неясные чердачные шорохи. Утром не хотелось вставать, не хотелось есть, не хотелось жить.

Кобик помог мне, невольно взвалив на мои плечи заботу о себе: дважды в день надо было варить ему кашу с жиром. Песик кушал весело, аппетитно, с признательностью поглядывая на меня и вроде даже спрашивая: “А ты чего же?” Постепенно я стал тоже прикладываться к перловке, стал сыпать крупу в кастрюлю на двоих. Так шло мое возвращение к жизни. И вел меня этой тропинкой щенок с рыжими бровями...

А потом пришел март. Южная сторона избы стала прогреваться полуденным солнцем, вытаяло старое бревно. Часами бездумно сидел я на нем, кожей чувствуя всю могучую живительную силу весеннего солнцеворота. А рядом на сухой доске блаженно дремал мой спаситель.

...Снег на поле уже сходил, истаивал — но в лесу еще торжествовала зима. Я вспомнил про стоявшие под навесом лыжи — и в ослепительной полдень, когда март уже гнал, изводил по открытым пространствам опостылевшую зиму, мы пошли с Кобиком в лес.

Идти среди деревьев, уже заметно источающих тепло нагретой коры было трудно — рыхлый снег не держал. Лыжи уходили в пушистую белую перину, лыжня была глубокой, края ее песчанисто осыпались — и в этой снежной канаве греб всеми четырьмя лапами, торопился за мной Кобик. Только глаза, нос и уши плыли над сугробами.

На бугре у оврага уже вытаяло, бурая прошлогодняя трава дышал теплом. Я растянулся на толстой подушке подсохшей хвои. Тут подскочил, засуетился от радости пес, улегся рядом, Я смотрел вверх, в яркую голубизну мартовского неба, по которой плыли белые пушистые облака, слушал шум налетавшего время от времени на сосну ветра — и плакал. От счастья, что я — жив; что я — не один; что все теперь будет хорошо...

Обратно к дому Кобик бежал впереди — и теперь над лыжней победно покачивался прямой султанчик его хвоста.

А в избе сочинилось:
Какие тени на снегу!
Какие тени!
Как будто здесь, на берегу —
Разлив весенний.
Как будто май в свои права
Вступил с разлету.
И враз взметнулась ввысь трава —
К солнцевороту!
И я, как в дальние года
Со счастьем снова...
Да, полдень мартовский всегда —
Души обнова.
И сквозь снега меня ведут
К июньской звени
Вот эти, первые в году
Весны ступени.
Спасибо, Кобик! Спасибо, март!